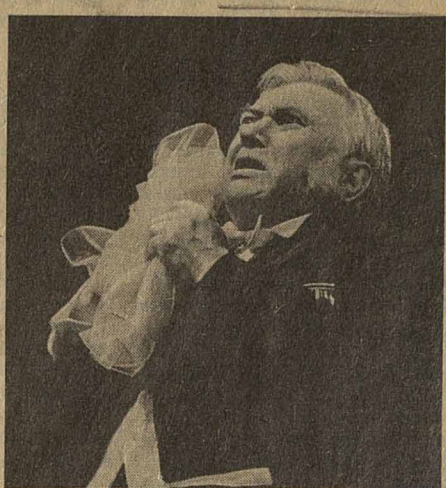
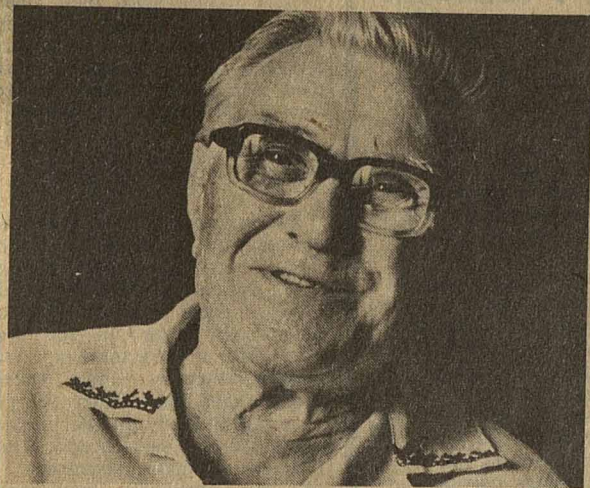

Художник и время

ЧАС ПЕСНИ

К 80-летию народного артиста СССР Б. П. Чиркова

В просторной квартире на Садовой-Спасской склонился над бумагами человек с удивительно знакомым вам лицом. Четким почерком выводит он ровную синюю строку. Последнее время так проходит у него утренний час каждого дня, и в этот час в квартире особенно тихо. Час песни. Как и все цели в жизни, которые приходилось ему достигать, цель этих часов необычна и нелегка — вспомнить, записать и снабдить пояснительным текстом более ста русских песен, уже позабытых людьми, но, право слово, достойных того, чтобы их и сегодня пели. Более ста... Первая пришла ему на память в тридцать четвертом году, неожиданно, под прицелом кинокамеры. Вы помните?

Крутится, вертится
шар голубой,
Крутится, вертится
над головой...

Приглушенный стеной телефонный звонок обрывает его мысль. Из-за двери доносится голос дочери:

— Чирков, это тебя!

Хозяин кабинета обреченно хлопает ладонями по коленам, выходит. Некоторое время доносится сюда его говор, потом голоса жены и дочери, смех. Но в дверях он появляется задумчивым, вновь подсаживается к бумагам, удивленно разводит руки:

— Корреспондент. Что я ему скажу, корреспонденту?.. Что мне восемьдесят, а планов еще и на вторую жизнь хватит? Что я считаю себя ровесником века. Ровесник века... Радости-то немного, а все ж звучит. А?

Эта мысль несколько приободряет Бориса Петровича.

— Когда приходит случай задуматься о прожитом, всегда в первую очередь вспоминаю Нольинск, город детства. Сколько ни едешь по свету, в какие столицы ни заносит судьба, а родина остается самой близкой сердцу. Вспоминаю себя мальчишкой в первой роли гнома и увлеченным суфлером или преподавателем насмешниц-гимназисток, а потом — постоянным артистом самодеятельного драмкружка. И невольно наплывает настроение тех лет. Первые пробы, первые успехи, первые попытки заглянуть в будущее и полуголодное студенчество в Институте сценических искусств — все это можно назвать счастьем. Да, счастьем поиска. Удивительное было время.

— Нет, — вдруг обрывает он мысль. — Наверное, это не так уж и важно сегодня. Гораздо важнее то, что на мои годы пришлось практически все глобальные перемены в жизни человечества: революция, электричество, автомобили, радио и телевидение, наконец, космос! Все за какой-то ничтожный отрезок времени, за мгновение в истории человечества, мгновение, равное моим годам. Годам человека, еще заставшего лучину и лапти. Почетна и увлекательна задача актера — ровесника века — пронести, донести до сегодняшних зрителей образы людей тех пламенных лет.

Что составляет смысл жизни и работы актера? Что заставляет нас без остатка отдавать себя игре и без конца искать в игре предел совершенства? А то, что жизнь актера — это многие и

многие судьбы в одной судьбе, что актер призван показать эти судьбы зрителям так правдиво, чтобы они поверили в реальность увиденного.

Борис Петрович достает пачки фотографий, раскладывает их на диване, осторожно перебирает.

— Вот Максим, крестьянин из «Чапаева», Роман из «Минина и Пожарского», Михаил Глинка и Антоша Рыбкин... Каждый персонаж хоть и отмечен особенностями своего времени; но и сопричастен времени нашему. Каждый персонаж должен помочь зрителям что-то раскрыть в современной жизни. Важно и то, что каждая сыгранная роль воспитывает самого актера. Перевоспитываясь в чей-то образ, мы обязательно чувствуем след, оставленный им в душе. Так, даже Махно или Распутин, которых я тоже играл, возбуждая во мне протест, негодование, при этом рождали уверенность, что без человечности, без добра нет на свете общества, самого человека, жизни. Оптимизм, который должен заразить зрителей, — главная цель актера. Изобразить зло и несправедливость, чтобы предупредить от их опасности — его задача.

— Да, не только мы живем жизнью персонажей, но и они в конце концов как бы переселяются в нас и живут нашей жизнью, — размышляет Борис Петрович, припоминая те шесть лет, когда был он Максимом Ивановичем Лисицыным, знаменитым Максимом, обошедшим в трилогии все страны и континенты. — Это не просто временное перевоплощение, это сосредоточенное вбирание, впитывание самых разнообразных качеств, их отбор и анализ. Для себя и для зрителя...

Пожалуй, не было у меня роли ближе и важнее Максима. Прошло немало лет, но разве могу я сказать, что связь с Максимом, запечатленным на пленке, прервалась? Нет, не могу. Сначала тщательно обдумывались черты его характера, и не всегда они соответствовали моим, затем я как бы убеждал себя, что это — мои черты и что по всем законам логики в определенных ситуациях я могу поступить только так и никак иначе. А потом пришла пора жить и действовать с характером Максима не только на съемках. И все это теперь во мне, это мое богатство!

— А ведь надо упомянуть о том, как изменилась наша работа. Пусть спектакли остались спектаклями, хоть нет уже суфлеров и каждый знает роль наизусть, а порой даже вмешивается в нее, чувствуя, что в какой-то ситуации персонаж в силу своего характера должен поступить иначе или сказать иные слова, чем это задумано автором. Но кино, которое появилось на моем веку, — это совсем иная работа. Нет последовательности в съемках эпизодов, и куда труднее держать себя в том состоянии, в каком должен находиться персонаж. Нет зрителей, и некому дать почувствовать, как ты играешь, не знаешь — завладел ли ты залом.

Съемка кинокартины когда-то длилась год. А сейчас телевидение позволяет работать быстро, сразу просматривать пробы.

Правда, опыт оперативной работы был у нас уже во время войны на «Мосфильме». Тогда кинематографисты были озабочены лишь одним — как быстрее показать на экране происходящее, как быстрее принести пользу. Попробовали — и создали альманахи, целую серию коротких кинокартин на злобу дня. Это был первый толчок к оперативности, первая проба ритма, которым живет сейчас телевидение, особенно при прямых передачах. Нельзя жить медленно. Ускоряется прогресс, ускоряется перевоплощение человека. Должно ускориться и его отображение.

Борис Петрович вновь присаживается, глядит на свою рукопись.

— Час песни. А я и забыл. Странно все-таки, чем больше живешь, тем больше делаешь, и тем более все дела твои кажутся важными и неотложными. Когда-то была лишь одна обязанность — отработать и сыграть роль. Сейчас их десятки...

Да, действительно, народный артист СССР, Герой Социалистического Труда Борис Петрович Чирков — руководитель курса актерского мастерства во ВГИКе, первый заместитель председателя правления ВТО, председатель совета по работе театров на селе, член Комитета по Ленинским и Государственным премиям СССР, председатель совета спортивной кинематографии при Союзе кинематографистов СССР, член редколлегии журнала «Советский экран», член правления Всероссийского общества книголюбов... А обширная переписка со зрителями? А репетиции, спектакли, записи на радио? А постоянные фестивали искусств, конференции, симпозиумы, встречи и поездки? И вот еще песенник...

— За счет чего же я все это делаю? — задумывается Борис Петрович. — Чем мне пришлось поступиться? Ролями. Да, восемьдесят лет. Силы уже не те, чтобы работать, как молодому.

В глазах Чиркова мелькает сожаление, но только на мгновение.

— Впрочем, возраст и опыт имеют свои преимущества. Раньше мне не сыграть бы ни Распутина в «Заговоре императрицы», ни в «Последней жертве» Прибыткова, и, может, я не так бы понял характер героя из спектакля «Пока арба не перевернулась». А Муромский Сухово-Кобылина? Это, конечно, вершина, особенно в «Деле», и взять такую вершину — отрадно. Ну, и, конечно, «Машенька» Афиногенова, где мы заняты всей «династией»: я и жена — Генрика Людмила Юрьевна, вон ее шаги в гостиной, и дочь Людмила Борисовна. Убежала уж, наверное, на радио.

Который час? Пора, пора, час песни прошел. Завтра напишу вдвойне.

Через считанные минуты Борис Петрович выходит из подъезда. У него приподнятое настроение, как после удачной пробы.

В. МЕЛИК-НУБАРОВ.

На снимках: Б. Чирков; справа — в роли Муромского в спектакле «Дело».